

- Хазанов А.М.** Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кыргызов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991а. – 189 с.
- Худяков Ю.С.** Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991б. – С. 87 – 100.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 65 – 73.
- Худяков Ю.С.** Военное дело древних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 98 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 159 с.
- Худяков Ю.С., Баяр Д.** Средневековый памятник в местности Нахийугийн-Манхан в пустыне Монгол Элс // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 36 – 44.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г.** Позднесредневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 105 – 119.
- Худяков Ю.С., Соловьёв А.И.** Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135 – 163.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа.** Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – С. 37 – 48. – (Изв. лаборатории археологии; № 5).
- Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С.** Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 140 – 148.
- Korobeinikov S.N., Agapov V.P., Bondarenko M.I., Soldatkin A.N.** The general purpose nonlinear finite element structural analysis program PIONER // Proc. of the Intern. Conf. on Numerical Methods and Applications / Eds. B. Sendov et al. – Sofia: Publ. House of the Bulgarian Acad. of Sci., 1989. – P. 228 – 233.
- Korobeinikov S.N., Alyokhin V.V., Bondarenko M.I.** Application of a finite element method for the solution of three dimensional contact problems // Advances in Simulation and Interaction Techniques: Proc. of the 2nd Conf. On Computational Structures Technology / Eds. M. Papadrakakis, B.H.V. Topping. – Edinburgh: Civil-Comp Press, 1994. – P. 165 – 175.

Материал поступил в редколлегию 19.04.2001 г.

УДК 903.3.53

С.Н. Леонтьев

*Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
ул. Ленина, 20, Минусинск, 662800, Россия
Тел. (8-391320) 2-13-14*

ПАМЯТНИК ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРГАН ЧЕРНОВАЯ XI

Введение

На правом берегу речки Черновой (Богградский р-н Хакасии), недалеко от ее устья, сосредоточено несколько погребальных памятников эпохи ранней бронзы: могильник Черновая VIII, курганы 13 и 14, отстоящие от этого могильника на 0,5 км, но включенные Г.А. Максименковым в его состав, и одиночный курган Черновая IV. (Их материалы легли в основу выделения окуневской культуры [Максименков, 1980].) В 1999 г. археологической экспедицией Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова под руководством автора здесь был исследован новый памятник этой эпохи – курган Черновая XI.

Описание памятника

Курган находится в 0,5 км к ЗЮЗ от могильника Черновая VIII на пологом склоне правого берега залива Черная Речка Красноярского водохранилища. До раскопок на дневной поверхности он прослеживался по полностью обнаженному развалу каменной ограды. Возможное земляное сооружение и весь почвенный слой были полностью смыты, а погребенная почва и верхний слой материка переработаны водохранилищем. Внутреннее пространство ограды заполняли беспорядочные скопления битого плитняка и современного бытового мусора, среди которых в 1998 г. были найдены и вывезены в Минусинский музей две перемещенные покровные плиты песчаника с выбитыми на них изображениями антропоморфных личин и быков [Леонтьев Н.В., 1998, с. 15]. Здесь же прослеживались торцы плит пяти погребальных ящиков, один из которых частично перекрывался массивной расслоившейся плитой. Остальные носили следы недавних хищнических раскопок.

За пределами ограды в 0,8 м от середины ее восточной стенки в 1998 г. найдено и вывезено в Минусинский музей поваленное монументальное изваяние хищного зверя [Там же]. Оно выполнено из цельной глыбы песчаника, контуры которой были лишь слегка подправлены выбивкой. Остальные детали образа переданы желобчатыми линиями (рис. 1, 1). Часть глыбы с изображением головы зверя оказалась отбитой еще в древности. Судя по сильной выветренности поверхности камня, изваяние изначально, возможно, было вкопано рядом с курганом.

После разбора наброски плитняка и снятия слоя переотложенной почвы была выявлена каменная ограда неправильной прямоугольной формы размерами 8,6 × 5,9 м, ориентированная длинными сторонами по линии ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). Плиты песчаника, установленные на ребро, сохранили первоначальное положение лишь южной стенки ограды, остальные представляли собой плитняковые развалы. По углам в грунтовых ямах без забутовки стояли менгиры, они возвышались над уровнем раскопа на 40 – 60 см. Северо-западный и северо-восточный менгиры были изготовлены из песчаника серо-зеленого цвета, юго-западный и юго-восточный – из коричневатого-красного.

В ограде находились пять могил.

Могила 1 – ориентированный по линии ССЗ – ЮЮВ, частично разрушенный погребальный ящик размерами 147 × 88 × 44 см с земляным полом и стенками, укрепленными плитами коричневатого-красного песчаника. Он находился в 45 см к С от геометрического центра ограды. Изначально могила была перекрыта двумя массивными покровными плитами, перемещенными грабителями в 1997 г. Одна из них, из серого песчаника размерами 135 × 90 × 8 см, частично перекрывала северную часть ящика. На ее лицевой

стороне точечной выбивкой с последующей шлифовкой была изображена антропоморфная личина сложного нереалистического типа (по классификации Э.Б. Вадецкой [1980, с. 87]). В нижней части изображение перекрыто выбитыми позднее кружками и неполными фигурами “тощей” коровы и быка (см. рис. 1, 2). Другая плита коричневатого-красного песчаника размерами 125 × 93 × 9 см находилась к ЗЮЗ от могилы. На ней в той же технике изображена схематичная неоконтурная личина “трехдужного” типа, поверх которой позднее были нанесены фигуры четырех “тощих” коров (см. рис. 1, 3).

Погребение полностью разрушено. На земляном полу могилы и в ее заполнении встречены разрозненные кости скелетов женщины 30 – 35 лет* и ребенка в возрасте до года. Из сопроводительного инвентаря сохранились черная нижняя челюсть сурка, подвеска из клыка марала и 16 астрагалов барана или косули (пять из них со следами окрашивания в черный и красный цвет, два – в черный и два – в красный). В двух астрагалах по бокам просверлены круглые отверстия, на одном тонкими линиями процарапан крест, на другом – треугольник.

Могилы 2 – ориентированный по линии ЗСЗ – ВЮВ частично разрушенный погребальный ящик размерами 166 × 94 × 44 см с земляным полом и стенками, укрепленными плитами серовато-зеленого песчаника. Он зафиксирован в 47 см к югу от геометрического центра ограды. Ящик частично перекрыт массивной расщепленной плитой, разбитой в древности. Могила неоднократно подвергалась хищническим раскопкам. На ее земляном дне находилось нарушенное погребение женщины 50 – 60 лет, подзахороненной в тагарское время. В заполнении встречены разрозненные кости скелетов взрослого человека и ребенка 1,5 – 2 лет. Из сопроводительного инвентаря сохранились тагарский керамический сосуд баночной формы и 24 астрагала барана или косули, девять из которых со следами окрашивания в красный цвет, шесть – в черный и еще шесть – в черный и красный. В двух астрагалах по бокам просверлены круглые отверстия, на поверхности еще двух процарапаны косые линии. Здесь же в заполнении были обнаружены мелкие обломки красновато-коричневой песчаниковой плиты с фрагментарно сохранившимися гравированными изображениями “тощих” коров и “хоругви”

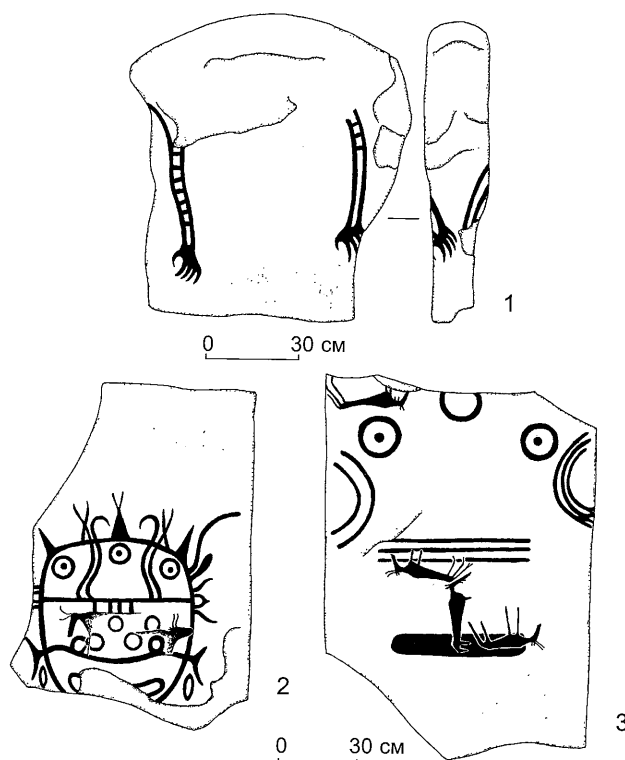

Рис. 1. Каменные плиты с изображениями, относящимися к окуневской культуре.

1 – за пределами ограды кург. 1;
2, 3 – плиты перекрытия. Песчаник.

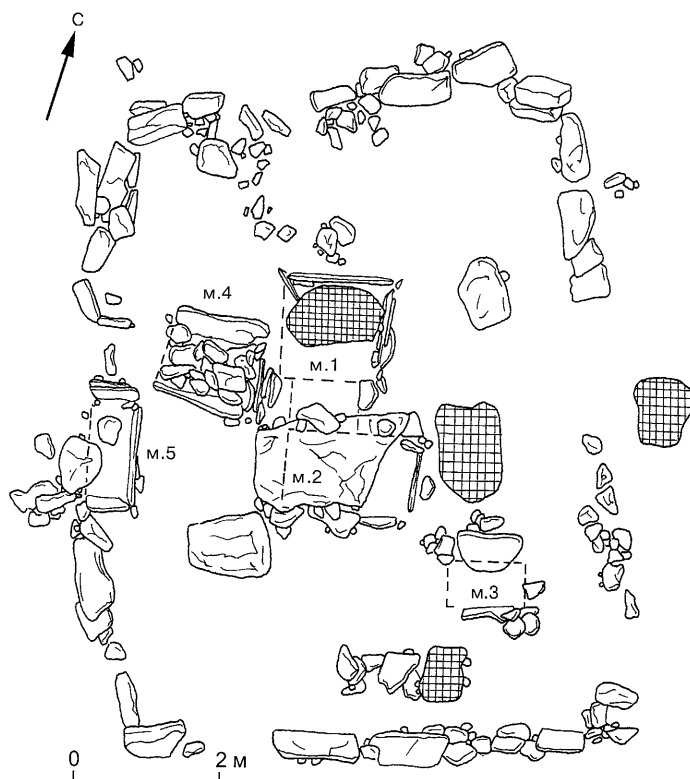

Рис. 2. Ограда кург. 1 могильника Черновая XI после зачистки.

* Антропологические определения сделаны автором и носят предварительный характер.

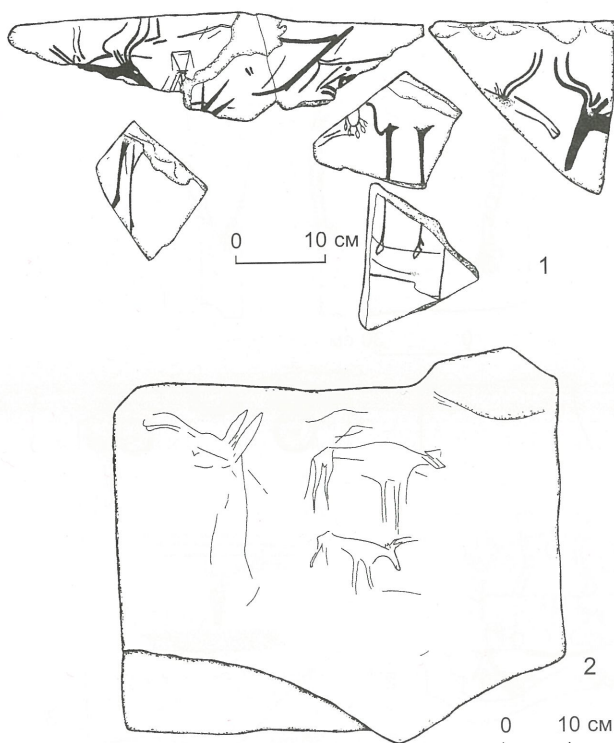

Рис. 3. Каменные плиты с изображениями, относящимися к окуневской культуре. Песчаник.

(рис. 3, 1). Изначально плита служила южной стенкой погребального ящика мог. 1 и была разбита при ее разграблении.

Грабители прорыли между могилами 1 и 2 лаз. В его заполнении сохранились фрагмент костяной пластинки с гравированным изображением женского лица (рис. 4) и два астрагала (один из них со следами окрашивания в красный цвет, на его тыльной стороне было отшлифовано изображение стилизованной антропоморфной (?) фигуры).

Мои́ла 3 – ориентированный по линии СВ – ЮЗ почти полностью разрушенный погребальный ящик размерами 106 × 61 × 10 см, от которого сохранились лишь южная стенка и пол, укрепленные плитами песчаника серовато-зеленого цвета. Ящик находился в 0,8 м к ВЮВ от мог. 2. Первоначально он был перекрыт массивной плитой серо-зеленого песчаника размерами 56 × 70 × 9,5 см, на одной стороне которой прослеживались процарапанные изображения двух “тощих” коров и головы лося (см. рис. 3, 2). Погребение полностью разрушено. В его заполнении были разрозненные кости скелета ребенка 1,5 – 2 лет, черенный астрагал барана или косули, подвеска из подъязычной кости животного, три бронзовые бусины и кольцо из бледно-зеленого нефрита (рис. 5).

Мои́ла 4 – ориентированный по линии 3 – В погребальный ящик размерами 131 × 106 × 46 см расположен в 0,3 м к ЗЮЗ от мог. 1. Он был сооружен из

Рис. 4. Фрагмент костяной пластинки с изображением женского лица.

Рис. 5. Нефритовое кольцо.

плит серо-зеленого песчаника и почти полностью разрушен грабителями. Могила была заполнена осколками плитняка, среди которых находились обломки стелы из серо-зеленого песчаника, на лицевой стороне которой мелкоточечной выбивкой с дальнейшей шлифовкой изображена схематичная неоконтурная личина “трехдужного” типа с “солярным” знаком под ней (рис. 6, 1), и два куса плиты с изображениями “солярного” знака и быка (рис. 6, 2). В заполнении ящика встречены ломаные кости скелетов двух женщин 16 – 20 и 20 – 25 лет и двух детей в возрасте до 2 лет, а также четыре астрагала, два из которых сохранили следы окрашивания в красный цвет.

Мои́ла 5 – ориентированный по линии ССЗ – ЮЮВ погребальный ящик размерами 148 × 68 × 23 см, стенки и пол которого были сделаны из тонких плит серовато-зеленого песчаника. Он находился в 25 см

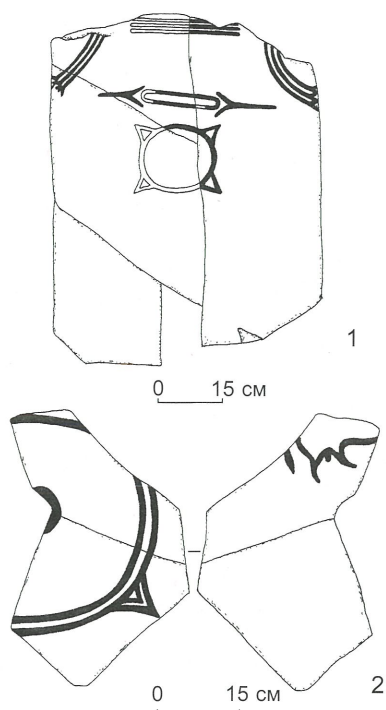

Рис. 6. Фрагменты каменных стел с изображениями, относящимися к окуневской культуре.

Рис. 7. Фрагмент деревянного черпачка.

к ЮЗ от мог. 4 и был почти полностью разрушен грабителями. В заполнении могилы находились разрозненные кости скелетов мужчины 30 – 40 лет и ребенка в возрасте до 2 лет, керамический сосуд баночной формы, внутрь которого был вложен частично сохранившийся деревянный черпачок (рис. 7), четыре бусины из позвонков крупной рыбы и шесть астрагалов барана или козули, один из которых сохранил следы окрашивания в черный и красный цвет. Здесь же обнаружены костяная пластинка с резным изображением женского лика (рис. 8), стеатитовый стерженек со скульптурной головкой человека (рис. 9) и галечная антропоморфная фигурка (рис. 10). Все они находились в перемешанном состоянии.

Обсуждение

На протяжении своего существования курган Черновая XI неоднократно подвергался разграблению: в тагарское время, когда был прорыт шурф между могилами 1 и 2 и совершено впускное захоронение женщины, позже, когда было проломлено перекрытие мог. 2 и разрушено погребение под ним, и в 1997 г. Несмотря на это, проведенные исследования позволили получить достаточно интересный материал.

Ввиду полного отсутствия земляной насыпи и слоя погребенной почвы последовательность совершения захоронений определяется лишь условно. Очевидно, первыми были сооружены центральные могилы 1 и 2.

Рис. 8. Костяная пластинка с изображением женского лика.

Рис. 9. Стеатитовый стержень со скульптурной головкой человека.

При этом лишь каменная конструкция мог. 1 была сложена из коричнево-красных плит, остальные – из серовато-зеленого песчаника, что, видимо, подчеркивало их более низкий статус. Все скелеты потревожены и сохранились лишь частично. Их первоначальные положение и ориентировку установить невозможно. Всего в кургане было погребено не менее 12 чел.: три женщины в возрасте от 16 до 35 лет, мужчина 30–40 лет, шестеро детей в возрасте до 3 лет, один взрослый неопределенного пола и возраста и женщина 50–60 лет, подзахороненная в тагарское время. Останки детей присутствовали во всех погребениях.

Самой многочисленной категорией сохранившегося погребального инвентаря являются астрагалы барана или косули. Эти астрагалы в отличие от всех, встречавшихся ранее в памятниках окуневской культуры, сохранили следы окрашивания: девять из 53 образцов были выкрашены в черный цвет, 15 – в красный и 12 – в черный и красный, еще 17 или не сохранили следов краски, или не были окрашены вовсе и изначально имели естественный белый цвет. Эта трехцветная гамма (белый, черный, красный) находит прямые аналогии в полихромных росписях плит погребальных ящиков в памятниках Каракола [Суразаков, Ларин, 1994, с. 35] и в кург. 2 могильника Верхний Аскиз I [Ковалёв, 1997, с. 87, 89]. Создатели Черновой XI заведомо придавали раскраске астрагалов оп-

Рис. 10. Антропоморфная фигурка из гальки.

ределенное семантическое значение. С этим же, вероятно, связано и оформление некоторых астрагалов (прочерченные косые линии, треугольник, прямой крест и антропоморфная (?) фигура).

Наиболее интересная категория находок – предметы мелкой пластики. Все они выполнены в одной художественной манере и несколько отличаются от уже известных.

Костяные пластинки с изображением женского лика и стеатитовые стерженьки со скульптурной головкой человека неоднократно встречались в погребениях окуневской культуры. Они, как правило, сопровождали захоронения женщин или девочек и лишь в кургане Разлив X, как и в Черновой XI, находились при мужчине, погребенном вместе с младенцем [Пшеницина, Пяткин, 1993]. Художественная трактовка образа женщины на костяных пластинках из мог. 5 и грабительского шурфа несколько отличается от традиционной и тяготеет к стилю антропоморфных гравировок на гальках с карасук-лугавского поселения Торгажак [Савинов, 1996, с. 40; Леонтьев С.Н., 2001, с. 122].

Вырезанная из гальки серпентинита антропоморфная фигурка из мог. 5 в настоящий момент близких аналогов себе не находит, что затрудняет определение даже пола ее персонажа. По выделенным округлым грудям фигурку можно причислить к серии женских изображений, но такие иконографические особенности, как

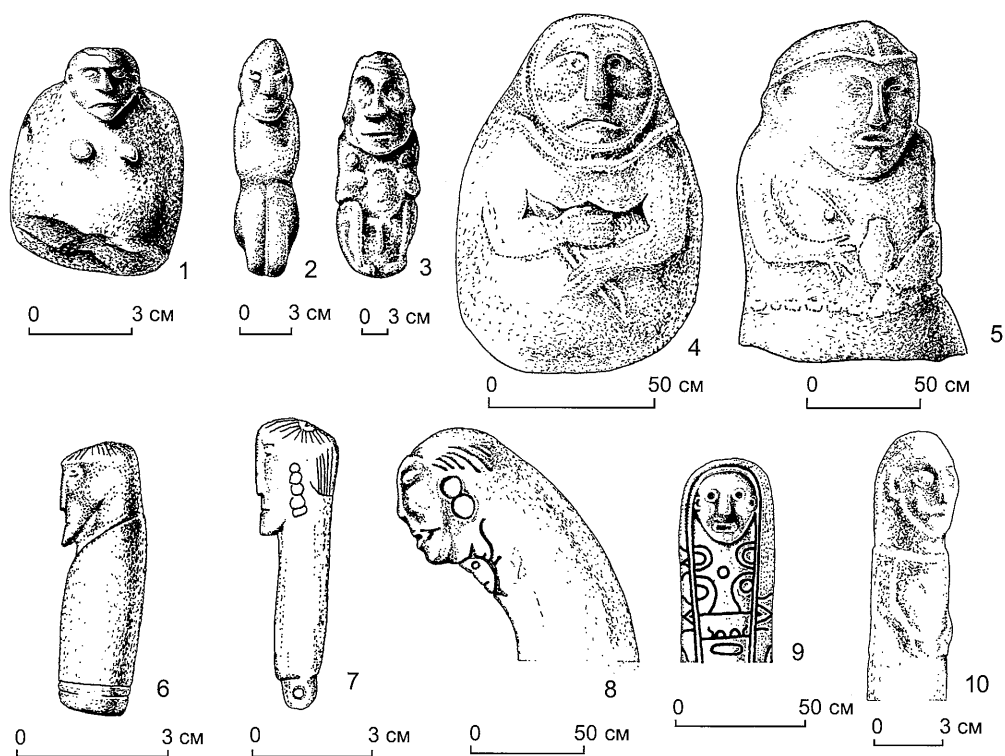

Рис. 11. Изображение андрогинов эпохи энеолита – средневековья.

отсутствие волос и высоко поднятые округлые уши, сближают ее с изображениями мужского божества на окуневских монументальных изваяниях [Вадецкая, 1980, табл. XXXIV, 23; XXXVI, 37; XLVIII, 96; XLIX, 103; L, 106, 107; Кызласов Л.Р., 1986, рис. 28, 96]. В связи с этим следует отметить, что среди мелкой пластики предандроновского времени с сопредельных территорий имеются скульптурки с чертами андрогинов. Из них наиболее показательна атбасарская фигурка сидящего мужчины с рельефно выделенным фаллосом и подчеркнутыми женскими грудями (рис. 11, 3) [Ченченкова, 2000, рис. 1, а]. Подобный же персонаж, но без выделенных половых признаков, украшал навершие фигурного жезла окуневской культуры из д. Калы (рис. 11, 2) [Кызласов Л.Р., 1992, рис. 5; Леонтьев Н.В., 1997, рис. 26, с. 235]. Образ “женподобного” мужчины известен в монументальном искусстве Северо-Западного Китая эпох энеолита и ранней бронзы (рис. 11, 4) [Kovalev, 1999, Abb. 8], а в Центральной Азии он “доживает” до средневековья (рис. 11, 5) [Евтюхова, 1952, рис. 21 – 23, 32]. Все это позволяет предположить, что рассматриваемая скульптура из Черновой XI демонстрирует мужское божество, наделенное женскими признаками.

Персонаж миниатюрных скульптурок, аналогичных стеатитовой фигурки из мог. 5, всегда показан коротко остриженным (рис. 11, 6, 7) или даже без волос [Вадецкая, 1986, рис. 4; Пшеницина, Пяткин, 1993,

рис. 3, 1]. Он находит достаточно точное внешнее и структурное соответствие в реалистически трактованных барельефных ликах, маркирующих вершины окуневских монументальных изваяний (рис. 11, 8, 9) [Леонтьев С.Н., 2001, с. 123 – 124] и запечатлевших мужское божество [Леонтьев Н.В., 1997, с. 235 – 236]. Это не позволяет считать подобные предметы изображениями женского персонажа, как это делалось до сих пор [Вадецкая, 1967, с. 20; Кызласов Л.Р., 1986, с. 268; Подольский, 1997, с. 178]. Представляется более вероятным, что они воспроизводят мужской образ. Фигурные стерженьки и “жезлы”, навершия которых трактованы в форме мужской головы или бюста, в эпоху бронзы были известны на широком пространстве от Байкала [Окладников, 1955] до Синцзяна (рис. 11, 10) [Kovalev, 1999, Abb. 16], от юга Средней Азии [Сарианиди, 1970, с. 31] до Урала [Петрин, Шорин, 1980, рис. 1]. Таким образом, каменные стерженьки вместе с костяными пластинками в окуневском искусстве могут являться вотивным аналогом монументальных мужских и женских изображений, отражающих дуальную организацию мироздания.

Искусство окуневской культуры в материалах Черновой XI представлено также обломками стел с изображениями личин, перекрытых фигурами “тощих” коров. Вопросы семантики этих образов пока остаются дискуссионными. В отношении их основного антропоморфного персонажа сегодня сложилось несколько

достаточно близких друг другу точек зрения. Так, М.Л. Подольский интерпретирует его как божество, семантически и функционально тождественное ведическому Пуруше [1997, с. 182]. И.Л. Кызласов тот же персонаж считает антропоморфным “Лицом Вселенной”, чья зональная маркировка отражает вертикальную стратификацию мироздания [Кызласов И.Л., 1987, 1989]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н.В. Леонтьев, именующий данный персонаж “матерью – прародительницей” [1997, с. 231 – 233; 2000, с. 30].

Не ясна семантика и такого популярного персонажа окуневского искусства, как корова. Раньше в этом образе видели лишь посвящаемое духам священное животное [Кызласов Л.Р., 1986, с. 251 – 253]. Сейчас мнения некоторых исследователей претерпели существенные изменения. Так, Н.В. Леонтьев считает, что в фигуре “тощей” коровы воплощено основное женское божество окуневского пантеона, являющееся одновременно и изоморфом Мировой Горы. Ее изображения наносили на изваяния и стелы позже основных для того, чтобы продлить срок их действия в обрядовой практике [Леонтьев Н.В., 2000, с. 34].

Остальной материал, полученный в ходе исследования кургана Черновая XI, представлен, как отмечалось, традиционным керамическим сосудом, внутрь которого был вложен деревянный черпачок, и немногочисленными уцелевшими после многократных разграблений деталями украшений. Интерес представляет только черпачок, но лишь потому, что деревянные изделия в погребениях эпохи бронзы на среднем Енисее, как правило, не сохраняются. Уникальным же является найденное в мог. 3 нефритовое кольцо. По своему материалу, форме и технике изготовления оно тождественно предметам из сейминско-турбинских и глазковских памятников.

Заключение

В настоящее время в развитии окуневской культуры выделяют два последовательных этапа – уйбатский, датируемый рубежом III – II тыс. до н.э., и черновской, относящийся к XV – XIII вв. до н.э. [Лазаретов, 1997, с. 40 – 41]. Каждый из них характеризуется определенными устойчивыми признаками в погребальном обряде. Так, на уйбатском этапе господствует традиция одиночных захоронений в грунтовых ямах, катакомбах или каменных ящиках со строгой планировкой их внутри прямоугольных или квадратных оград-кладбищ [Там же, с. 36 – 37]. На черновском этапе одиночные и коллективные погребения совершались преимущественно в укороченных каменных ящиках под индивидуальными надмогильными сооружениями и без четкой системы их размещения в пределах оград-кладбища [Максименков, 1980, с. 14]. Есть различия и в изобразительных традициях: для ранних памятников

характерны простейшие личины, в комплексах черновского периода, напротив, преобладают сложные антропоморфные изображения разных типов.

Курган Черновая XI, судя по однородности погребальных и изобразительных традиций, синхронен расположенным недалеке от него памятникам Черновая IV и VIII. Наличие одиночных окуневских курганов вблизи от одновременных им могильников отмечено и в долине р. Уйбат [Лазаретов, 1997, с. 19; Леонтьев Н.В., 1995, с. 28]. Чем обусловлена такая ситуация – сейчас сказать сложно. Курган Черновая XI, вероятно, как Туимский кромлех [Кызласов И.Л., 1989, с. 208 – 209] и памятники Карасук II и VIII [Комарова, 1980], являлся элитарным. На это указывает, в частности, то, что ограда Черновой XI (как и Туимского кромлеха) имела не традиционные для рядовых погребальных сооружений окуневской культуры угловые менгиры.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 78 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 73 – 87.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 175 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 72 – 120. – (МИА; № 24).
- Ковалёв А.А.** Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 112.
- Комарова М.Н.** Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 76 – 90.
- Кызласов И.Л.** Лик Вселенной (к семантике древних каменных изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1987. – С. 127 – 130.
- Кызласов И.Л.** Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 1989. – Вып. 21. – С. 193 – 212.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 295 с.
- Кызласов Л.Р.** Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1992. – 224 с.
- Лазаретов И.П.** Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.
- Леонтьев Н.В.** Два окуневских кургана долины реки Уйбат // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. конф. – СПб., 1995. – С. 26 – 28.
- Леонтьев Н.В.** Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

- Леонтьев Н.В.** Новые окуневские стелы с речки Черновой // Вестн. Сиб. ассоциации исследователей первобытного искусства. – 1998. – Вып. 1. – С. 15.
- Леонтьев Н.В.** Образ мировой горы в памятниках искусства окуневской культуры // Гум. науки в Сибири. – 2000. – № 3. – С. 30 – 35.
- Леонтьев С.Н.** Новый памятник окуневской культуры на речке Черновой // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. – Абакан: Изд-во ХакГУ, 2001. – Вып. 5. – С. 121 – 125.
- Максименков Г.А.** Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3 – 26.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3. – 373 с. – (МИА; № 43).
- Петрин В.Т., Шорин А.Ф.** Антропоморфная скульптура эпохи бронзы Южного Урала // СА. – 1980. – № 2 – С. 226 – 228.
- Подольский М.Л.** Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 169 – 201.
- Пшеницина М.Н., Пяткин Б.Н.** Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. – 1993. – Вып. 209. – С. 58 – 67.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 112 с.
- Сарианиди В.И.** Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА. – 1970. – № 4. – С. 19 – 32.
- Суразаков А.С., Ларин О.В.** К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во АГУ, 1994. – С. 31 – 37.
- Ченченкова О.П.** Западносибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение: Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Петро-РИФ, 2000. – С. 194 – 212.
- Kovalev A.** Die ältesten Steln am Ertix (Das Kulturphänomen Hemirxek) // Eurasia Antiqua. – Berlin, 1999. – Bd 5. – S. 135 – 178.

Материал поступил в редколлегию 13.06.2001 г.

ДЕРЕВЯННЫЕ ОРУДИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА С ПОСЕЛЕНИЯ ВИС II В БАССЕЙНЕ ВЫЧЕГДЫ (середина I тыс. н.э.)

Введение

Вис II – многослойный и разновременный памятник с инвентарем от мезолита до раннего средневековья, расположенный в районе оз. Синдорского (Россия, Республика Коми). Самый поздний его комплекс принадлежит к ванвиздинской культуре и резко превосходит по количеству вещественного материала другие поселения этой культуры. Научная ценность этого комплекса обусловлена тем, что ванвиздинский культурный слой почти в чистом виде обнаружен в старичных отложениях, обладающих консервирующим свойством по отношению к артефактам из дерева, коры и травы: в небольшом подковообразном озере, оставленное рекой у песчаного террасного останца, который занят Висом II, сбрасывались и попадали случайно культурные остатки. В 1962 – 1966 гг. здесь при раскопках обнаружены предметы из растительного сырья, керамика, изделия из рога и кости, кремневые скребки и бусины из стекла [Буров, 1964, 1966а, б, 1967а, б, 1968а, б, 1981, 1983, 1984, 1989, 1993, 1995; Буров, 1996].

Огромное количество глиняной посуды принадлежит к раннему этапу ванвиздинской культуры (V в. н.э.), а к непосредственно предшествовавшему позднегляденовскому времени (IV в.) относится лишь 3% керамики. Полагая, что в подобном соотношении представлен и деревянный инвентарь, все деревянные изделия памятника можно рассматривать как ранневиздинские.

Найденные в Висе II уникальные изделия из дерева, коры и травы (228 экз.) делятся на предметы вооружения (40,4%), приспособления для рыболовства (7,9%), бытовые и культовые вещи (6,1%), фрагменты средств перевозки и передвижения (4,9%), инструменты для земляных работ (0,9%), орудия ремесла

(15,3%) и неопределенные изделия (24,5%). В эту статистику [Буров, 1993, табл. 1] не включены многочисленные остатки рыболовных сооружений и трудноидентифицируемые фрагменты деревянных изделий.

Описание орудий

Орудия деревообрабатывающего производства и их элементы (чекмарь, рукоятки тесел с трапециевидным пазом и кельтов с конической втулкой) охарактеризованы в специальной статье [Там же]. Настоящая работа касается 29 предметов ремесленного производства, предназначенных для обработки шкур, сухожилий, волокнистых веществ и глины. Этот материал в основном не опубликован. Описанные орудия, кроме одного (рис. 1, 4), изготовлены из древесины хвойных пород, преимущественно сосны [Там же, табл. 2]. Это двуручные скребки, Т-образные кнопки, размягчитель ремней, гребни, пряслица, лопаточки, гребенчатый штамп, заостренные палочки.

Двуручные скребки. Для обработки шкур, удаления подкожной клетчатки и обрезков мяса в ванвиздинское время использовались главным образом массивные орудия из низкокачественного кремня. Они найдены почти на всех поселениях с ванвиздинской керамикой [Буров, 1967б, с. 152 – 153]. Имеются также деревянные скребки, в качестве которых можно рассматривать четыре орудия в виде дощечки, у которой два угла с одного края закруглены (рис. 1, 1 – 4). В поперечнике они с одного края закруглены, а с другого круто заострены (в половине случаев асимметрично, как у кремневых скребков) (рис. 1, 1, 3). Поверхность орудий закалена огнем [Семенов, 1968, с. 117]. Уже после обжига у одного образца обновлена острая кромка (см. рис. 1, 3). Ширина